

ного произведения»⁶, — писал Фет. Эпитет же *дрожащие*, с которым сочетается слово *напевы*, многозначен. Возможно, это метонимическое определение, свертывающее сложное сочетание *напевы дрожащих струн*, или же метонимия на основе образного представления о «дрожи», «трепете» души или сердца, откликающегося на прекрасное в момент творчества. Образ, создаваемый эпитетом, перекликается с сочетанием *дрожь сердца* в стихотворении «День проснется — и речи людские...», открывающем второй выпуск «Вечерних огней»:

И мои зажурчат песнопенья,
Но в зыбучих струях ты найдешь
Разве ласковой думы волненья,
Разве сердца напрасную дрожь.

Показательно, однако, что сочетание *дрожащие напевы* может включаться и в другую образную параллель: *стихи (песнопенья) — журчащие, дрожащие струи*. Взаимодействие разных образных планов — отличительная черта поэтики Фета. Отметим, что глагол *дрожать* в словаре поэта — устойчивый синоним слов *звучать, звенеть*, а семантика его обычно осложнена оценкой душевного состояния лирического героя — его *волненья*. Эпитеты *дрожащий, трепещущий*, как и существительные *дрожь, трепет*, неоднократно повторяются в стихах Фета: «Трепетом весеннего утра охвачена природа. Тот же трепет в охваченной страстью душе поэта («Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало», 1843)». «Трепетную гармонию» Фет считал «самой сокровенной сущностью предметов», а момент лирического вдохновения он смело сравнивал с «дрожанием» рюмки, отвечающей «гармоническому звуку»: «...рюмка мгновенно задрожала и ответила тем же звуком...

все остальные подобные ей рюмки молчат. Одна она трепещет и поет...»⁷.

Дрожащие напевы в тексте стихотворения приобретают и пространственные приращения смысла: это мир, куда «уходил» поэт и куда он призывает последовать за ним героиню; то же, от чего он «уходил», остается в тексте неназванным (вспомним непривычную сочетаемость придаточного). «В произведении имеют значение не только названные понятия, предметы и чувства, но — еще больше — не обозначенные, только подразумеваемые... Этот прием изобразительной эллиптичности безмерно обогащает выразительность слова»⁸. За местоимением *от чего (уходил)* угадываются разные смыслы: возможно, это власть обыденности, душевные муки, страдания и т. п. Умолчание же позволяет по-разному интерпретировать эти поэтические строки, обуславливает их многоплановость и неоднозначность.

Итак, образный ряд наименований лирических стихотворений выделяет такие признаки истинной поэзии, как «дерзновенная отвага», выход за пределы реального и «рассудочного», музыкальность, связь с божественной гармонией. В последней строфе этот ряд дополняется новым перифрастическим сочетанием, преобразующим традиционный троп: *стихи — приветы, встающие из гроба*. В основе его — синтез метафоры и метонимии. Слово *приветы* подчеркивает эмоциональную связь поэтического произведения и читателей, а распространяющее его метафорическое определение развивает тему бессмертия искусства, преодолевающего власть времени.

«Художники увековечили момент красоты, окаменили миг, — писал Фет Л. Н. Толстому. — А разве

⁷ Цит по изд.: Благой Д. Д. Мир как красота // Фет А. Вечерние огни. — М., 1979. — С. 585, 564.

⁸ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. — М., 1999. — С. 74—75.

⁶ Цит. по изд.: Литературная библиотека. — Т. V., 1867. — Кн. 1—2. — С. 57.